

Если с этих позиций рассмотреть творчество Вс. Иванова годов нэпа, то будет ясно, что оно характеризуется не идейным спадом, а обострением тех противоречий, которые были заметны и в более ранних его произведениях, не только упадочными настроениями и формалистическими ухищрениями, но и более глубоким пониманием революции и более правдивым ее изображением. Ведь если в 1927 году появляется сборник рассказов «Тайное тайных», в которых писатель отказывается от раскрытия социального смысла изображаемых событий, то в этом же году он создает пьесу «Бронепоезд», в которой, в отличие от «Партизанских повестей», не только поэтизируется народная революционная стихия, но и раскрывается революционный разум и организующая сила, действовавшие в нашей революции. Это находит выражение в образе коммуниста Пеклеванова, а также и в образе народного вожака Вершинина, во многом изменившихся по сравнению с повестью, легшей в основу пьесы.

Книга Н. Яновского охватывает большой материал. В ней характеризуются все более или менее значительные произведения Вс. Иванова: «Партизанские повести», пьесы «Бронепоезд 14—69» и «Блокада», повести «Гибель Железной» и «Путешествие в страну, которой еще нет», «Повести бригадира М. Н. Синицына», пьесы «Компромисс Наиб-хана» и «Голуби мира», романы «Похождения факира» и «Пархоменко», публицистика и очерки военных и послевоенных лет, пьеса «Ломоносов» (упрекнуть автора здесь можно лишь в том, что он обошел молчанием такое интересное и талантливо написанное произведение, как «Встречи с Максимом Горьким»). Однако, хотя оценки этих произведений в большинстве случаев не вызывают серьезных возражений, все же из них не складывается картины творческого развития писателя. Происходит это потому, что объективный критерий правдивости и глубины воспроизведения действительности автор зачастую подменяет субъективной оценкой произведений по степени их художественности, не раскрывая к тому же, чем она определяется. Картина развития писателя не складывается также и потому, что отдельные произведения Вс. Иванова рассматриваются вне связи с развитием социалистического реализма в советской литературе.

Вообще о социалистическом реализме в книге упоминается всего лишь раз — при анализе романа «Пархоменко». И то, излагая основные принципы социалистического реализма, автор опускает такую его существеннейшую черту, как требование правдивого и исторически-конкретного изображения действительности. А ведь именно в свете этого требования роман «Пархоменко» вызывает серьезные критические замечания. Действительная картина гражданской войны и, в частности, военных действий на Царицынском фронте летом и осенью 1918 года, оказалась в нем в ряде случаев искаженной, поскольку писатель под влиянием культа личности преувеличил роль обороны Царицына в это время.

В книге Н. Яновского часто говорится о «переломах» и о «шагах вперед» в творчестве Вс. Иванова, но в чем состоят эти «переломы» и «шаги вперед» критику не удастся показать, а иногда он вступает при этом в противоречие с самим собою. Так, например, сначала он уверяет, что перелом в творчестве Вс. Иванова означила пьеса «Бронепоезд 14—69», но потом оказывается, что писатель находился на переломе, когда писал «Блокаду», «Гибель Железной» и «Повести бригадира М. Н. Синицына». Пьеса «Компромисс Наиб-хана» сначала характеризуется Н. Яновским как «шаг вперед» в творческом развитии писа-

теля, а потом выясняется, что «если сравнить ее с «Бронепоездом», то станет очевидно, что написана она слабее». И против этого трудно что-либо возразить. Очевидно, правильнее было бы говорить не о «шаге вперед», а о поисках новых путей для разрешения новой задачи — художественного воспроизведения советской действительности конца 20-х и начала 30-х годов и образа человека, в условиях этой действительности сформировавшегося.

Можно отметить и еще некоторые существенные недостатки книги Н. Яновского: упрощенное представление о литературных влияниях, тенденцию к поверхностному социологизированию, приводящую критику к тому, что он отрывает социальную сущность образа от его индивидуального облика или высоко оценивает произведение только за декларированные в нем идеи, не обращая внимания на то, раскрываются ли они в художественно убедительных образах. Все это недостатки, распространенные в нашей критике. Однако, не преодолев их, нельзя дать глубокого и всестороннего освещения деятельности такого своеобразного художника слова, каким является Всеволод Иванов.

Что же касается того, что уже сделано Н. Яновским, то книга его, впервые дающая общее представление о творчестве Вс. Иванова, принесет определенную пользу.

М. КОЗЬМИН